

СВЕТЛАНА ХОРОШЦОВА

ЖЕНЩИНА

ПТИЦА

16+

Светлана Хорошилова

Женщина-птица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51556053

SelfPub; 2022

Аннотация

Полное отсутствие цивилизации, никаких календарей и безграничное время... Неизвестное местоположение и бескрайний лес. Здесь только он – обычный человек, спасающийся от преследователей, и она – странное создание, химера, когда-то поселившаяся в глухом лесу. Запутанные отношения и невозможная любовь с прослойкой ненависти. Сможет ли он проникнуть в глубину её души и разгадать её тайну? Или время расставит всё по своим местам?

Светлана Хорошилова

Женщина-птица

Жизнь на деревьях имеет свои преимущества. Наблюдаешь за всем с высоты и понимаешь: какой же маленький этот мир...

К земле плавно спускался скрученный спиралью осиновый лист. Сгущались сумерки. Лёгкий порыв ветра заставлял дрожать молодые верхушки деревьев. Старая шершавая сосна, стоящая среди бесконечного дремучего леса, возвышалась над проходившей под ней редко востребованной просёлочной дорогой. Её массивная лапа-ветвь, растущая на приличной высоте, прогнулась от прикоснувшихся к ней боковых ног. Кожа на стопах была огрубевшей, а голубое платье, которое почти полностью их прикрывало, дорогим и обтрёпанным.

Женщина пристально следила за дорогой, её руки сжимали колени, взгляд устремился в сторону, откуда только что сверкнули блики фар. Их свет расширял тесноту лесного туннеля, состоящего из сплошного грязно-зелёного покрова нависающих вперемешку колючих хвойных и мягких листовенных веток. Высокая перезревшая трава с шумом билась о бампер, и чёрный внедорожник настойчиво пробирался по густо заросшей дороге, где давно уже никто не ездил, раздав-

ливая на пути всё, что попадалось ему под колёса. Он остановился в нескольких метрах от той величественной сосны. Женщина держала ухо остро и направила вниз свой взгляд, зрение её было дальнорезким.

Из машины, хлопая дверями, вышли трое мужчин.

– На фига завёз в такую даль? Можно было и раньше остановиться... – Недовольный начал разминаться, прохаживаясь по опушке.

– Мы обратно хоть выберемся отсюда? – глухо пробубнил второй. – А то ты вёз нас какими-то захолустными тропами...

– Да чё вы такие ссыкуны? Вообще что ли не ориентируетесь? Как завёз, так и вывезу! – Третий щёлкнул зажигалкой и сделал первую глубокую затяжку.

– Стемнело-то как быстро... Выезжали, был белый день. – Первый принялся разминать плечи.

– А ты боишься темноты? – подколол водитель и захихикал.

– Темноты я, допустим, не боюсь, а в таком здоровенном лесу кого только не бывает... Всякая нечисть водится.

– Например? – ехидно буркнул водитель, удерживая в зубах сигарету. Вокруг него медленно распространялось облако дыма.

– Мы сами нечисть, – вмешался в разговор второй. – Хорош базарить! Давайте докуривайте и за дело!

Водитель небрежно растёр по земле окурок, вернулся к

машине, отгибая колкие ветки, которые топорщились во все стороны. Пролезая к багажнику, он стал их нещадно надламывать.

– Ну что? Достаём?

Второй следом за ним приблизился к багажнику.

Женщина с сосны наблюдала, как из него вытаскивают тело. У жертвы были связаны за спиной руки, а рот был залеплен скотчем. Второй резко отодрал скотч и, скомкав его, вышвырнул в кусты. Мужчина лет тридцати пяти с трудом пытался устоять на ногах, его лицо было разбито в кровь.

– Может последнее слово? – предложил, усмехаясь, первый.

– Обойдётся! – дерзко оборвал его водитель.

Второй в это время, склонившись над багажником, рылся в вещах, оттуда раздавалось его глухое недовольное ворчание. Двоих его друзей эта возня стала напрягать.

– Ну чё ты там, Сёма?

– Я как чувствовал, что вы лопату не взяли!

Дальше началось разбирательство, по ходу которого можно было выделить отдельные фразы:

– Я тебе сколько раз напоминал?

– У меня сапёрная есть!

– Ты пробовал копать сапёрной, интеллектуал хренов?!

– Так не нам же копать... Копать-то он сам будет!

– Он твоей сапёрной до утра копать будет...

Связанный, воспользовавшись суетой, внезапно от-

толкнул стоящего рядом и кинулся бежать в густую непроходимую чащу леса. Теперь его руки были свободными, он прикрывался ими от царапающих веток, огибая одно дерево за другим. За ним гнались трое его преследователей, матерясь и выкрикивая на ходу бессмысленные угрозы.

Гонка в темноте продолжалась недолго. Подгоняемый инстинктом самосохранения, окровавленный беглец оторвался от остальных на порядочное расстояние. Преследователи улавливали вдалеке хруст засохших веток, но было неясно откуда он раздаётся. Двое старались не потерять из виду огни светящихся фар, поэтому медлили, а преследующий, который с лёгкостью определял своё местонахождение, не останавливался ни на минуту.

Наконец беглец остановился, чтобы хоть на мгновение перевести дыхание. Женщина, взмахнув серыми крыльями, подлетела к нему сзади. В данный момент он находился на открытом пространстве, освещаемом неполной лунной, и женщине было где развернуться.

– Не оглядывайся! – послышался прямо за спиной ровный женский голос.

– Кто здесь? – Беглец напрягся всем телом.

Ему не терпелось обернуться. Он пытался отдышаться, держась за правый бок, но силы его таяли и того, что осталось, надолго не хватит.

– Дай мне обхватить тебя! – Женщина начала обвивать его торс своими руками, прижимаясь грудью к широкой и

крепкой спине.

– Это ещё зачем? Ты кто такая?!

Вблизи послышался хруст, кто-то из преследователей услышал голос убежавшего и взял на него курс.

– Ну всё! Полетели! – прошептала на ухо женщина, и беглец сразу почувствовал, как земля оторвалась от его ног.

Он увидел лес с высоты птичьего полёта: так лесная масса напоминала бесконечное чёрное море, которое расплзлось по всем направлениям к горизонту. Небо над горизонтом ещё сохраняло бледно-оранжевый оттенок, благодаря ускользающему свечению заходящего солнца. Сбежавший безвольно обмяк в её руках, потеряв сознание.

Чёрное море леса пробегало километрами, десятками километров... Оно было нескончаемо. Свежий ветер дул в окровавленное лицо сбежавшего и растрёпывал волосы той, что его несла. Женщина приземлилась возле старой охотничьей избы в самой дремучей части гигантского леса. Она затащила внутрь ослабленное тело, уложила его на деревянную кровать.

Мужчина очнулся, когда та протирала ему лицо влажной тканью. Он увидел полуоткрытыми глазами склонившийся над ним женский силуэт и еле слышно простонал:

– Где-е-е я-я-я?..

Странная незнакомка осторожно приподняла его голову, чтобы наложить повязку.

– В надёжном месте.

Он окончательно пришёл в себя, даже смог разглядеть при свете керосиновой лампы внутреннюю обстановку рубленной избы и сидящую возле него на краю кровати молодую женщину с густыми волосами цвета воронова крыла, одетую в меховой жилет из шкуры волка и длинное бледно-голубое платье с мерцающими серебристыми камнями на груди. Она обладала красивыми чертами лица и, если бы не растрёпанные волосы с застрявшей в них хвоей и не запачканная от лесной пыли смуглая кожа, могла бы побороться за звание «мисс» в любом конкурсе красоты. Взгляд раненого устремился, глаза испуганно расширились: за её спиной возвышались два сложенных крыла.

– Что ты такое? – произнёс он запинаясь, с искаженным от ужаса лицом, говоря при этом не «кто», а «что».

Ещё секунду постояв на локте, мужчина откинулся на подушку и опять перестал подавать признаки жизни.

К утру он снова пришёл в себя. Его разбудило потрескивание дров в маленькой печи. Керосиновая лампа не горела, её заменил падающий в единственное окно утренний свет. В избе он был один. На печи дымился закоптившийся котелок, от которого развеивался запах лечебных трав. У окна располагался грубо обтёсанный деревянный стол и такие же стулья, а у стены напротив двери стояло что-то наподобие лежанки, накрытой звериными шкурами.

Внезапно раздались шаги, глухо долбящие о деревянный порог. Дверь распахнулась, и в избу вошла она – то са-

мое неизвестное создание, ранее не описанное ни в одном учебнике по биологии и зоологии.

– Похолодало... Как быстро закончилось лето... – сказала она.

За ней по полу, собирая паутину, волочились крылья серо-стального цвета с мелкими белыми вкраплениями. Женщина-птица взялась за кривую ручку железной кружки, наполненной тёплым травяным отваром, поднесла её к раненому, присела рядом.

– Выпей, тебе это поможет.

Он смотрел на неё ошарашенным взглядом и лежал, как парализованный. От безысходности он протянул руку и принял кружку из её рук. Птица с интересом наблюдала, как он нелепо пытается сделать первый глоток. Со стороны было похоже, что это не она является диковиной, а недавно появившаяся в её доме человеческая игрушка. Мужчина залпом выпил весь чай, так как его мучила жажда, и вернул ей пустую тару. Он вытер тыльной стороной руки потрескавшиеся губы.

– Теперь может скажешь – кто ты такая?

– Я живу здесь.

Он снова вопросительно уставился на неё.

– Это такое имя – «я живу здесь»? Или подвид у орнитологов?

У неё покраснели щёки, она смутилась и недовольно ответила:

– Нет у меня никакого имени.

Она отошла в сторону, после чего начала заполнять душистым отваром стеклянную банку, видимо на будущее.

– Нет имени?.. Ну может название хотя бы есть? Как мне тебя звать? Ты что – птица?

Он заметил, что на ней нет обуви, она ходила по полу босая на обычных человеческих запыленных ногах.

– Зови птицей, я не против.

Мужчина улавливал странный акцент, одновременно слушая и разглядывая её с удивлением. В доме стоял запах древесины, распаренных ягод и травы.

– Послушай, Птица, а твои крылья хоть настоящие?

Она резко обернулась и раскрыла крылья в полную мощь. Раненый в испуге отпрянул, машинально прикрываясь руками. Женщина, удовлетворив его любопытство, обратно сложила крылья и полезла под стол за старым ведром с отломанной ручкой. Она откинула назад болтающиеся концы крыльев, присела за стол и доставая орехи из ведра принялась раскалывать их по одному увесистым камнем. Ядра орехов она бережно складывала в потемневшую от времени деревянную миску.

– А сам не желаешь назвать своё имя? – заговорило создание, не отрываясь от своего дела. – Или у тебя его тоже нет?

Мужчина заворочался на матрасе, набитым соломой и перьями, коротко ответил:

– Олег.

Птица между делом поглядывала на беглеца своими большими чёрными глазищами, изучая нового жильца. Олег имел спортивное телосложение, ростом был чуть выше среднего, у него были короткие тёмно-русые волосы и правильные черты лица, опухшего от синяков и ссадин. Он был в тонком тёмно-синем пуловере и серых кроссовках.

– За что они хотели тебя закопать? – Она сходу задала этот вопрос, на что он нервозно отреагировал, но после тяжёлого вздоха и продолжительного молчания решил с ней поделиться:

– Бизнес... Это, между прочим, были мои бывшие друзья. Когда-нибудь они и друг друга поубивают. – Олег потрогал себя за челюсть, вероятно она побаливала во время разговора. – Тесно им стало, жить получше захотелось... А я среди них был самым успешным, и это их бесило. Скоро они и сюда доберутся, я слишком много знаю... – Он усмехнулся улыбкой отчаявшегося человека. – Да разве они успокоятся?

Птица собрала со стола скорлупу, бросила её в топку, спокойно и уверенно отвечая ему:

– Никто сюда не доберётся.

– Откуда ты можешь знать? – Олег приподнял голову и, забыв про челюсть, заговорил более эмоционально: – Лучше избавься от меня, а то сама попадёшь под раздачу!

Она взяла миску с орехами и поставила рядом с гостем, при этом сказав:

– Ты должен поесть, тебе нужны силы. – Он продолжал

смотреть на неё с недоумением, никак не реагируя на подношение. – Тебе нечего бояться. Мы унеслись от твоих врагов на очень большое расстояние. Сюда никто не проедет... Здесь легко заблудиться. Даже охотники давно не суются в эти гиблые места.

– Поэтому ты здесь и поселилась?

Птица отнесла свои орехи обратно на стол, не говоря ни слова.

– Откуда у тебя эти крылья? – спросил Олег. – Над тобой проводились опыты? Кажется, я слышал, что в последнее время какие только опыты не проводятся, кого только не скрещивают...

– Я всю жизнь такой была, – оборвала его предположения Птица.

– С трудом верится... Ты родилась уже с этими крыльями?

– Не помню! Не знаю! – Она начала злиться и психовать.

Олегу пришлось прекратить расспросы.

– Я хочу встать и выйти на улицу. – Он закопошился приподнимаясь.

Она подошла, попыталась его поддержать, обхватив руками. От нестерпимой боли мужчина ухватился за неё, но его рука случайно прикоснулась к крылу. Он почувствовал под ладонью шуршание перьев и отдернул руку, как ужаленный.

– Дай, я попробую сам!

Птица проследила, как Олег, ковыляя, бредёт к выходу,

затем он скрылся за дверью.

К обеду он умерил свою гордыню и согласился на орехи. Вдобавок женщина отварила какие-то крупные коренья. Он их попробовал, сморщился, затем присыпал солью, и только тогда ему удалось их как-то в себя протолкнуть. Помимо этого, в течении всего дня она заставляла его пить отвар. Целебный напиток был приторно горьким, но подсластить было нечем. Олег чувствовал облегчение от её врачевания, и на всё уже соглашался, лишь бы побыстрее встать на ноги; жар постепенно отступал, к нему возвращались силы.

Стемнело. Птица улетела по своим делам. Керосиновая лампа горела тускло. Оставшись в одиночестве, мужчина долго размышлял, ему было о чём подумать. Керосин в лампе закончился, и Олег оказался в кромешной тьме. Он лежал и прислушиваться к звукам, доносящимся из леса. Стоящие крики ночных птиц щекотали нервы, какой-то неторопливый зверь прокрался под окном, вороша сухие заросли. Этот мир дикой природы был совершенно чуждым для Олега. Даже имея он крылья, не согласился бы здесь жить.

Нужно мотать отсюда, но для этого он слишком слаб. Олег стал строить планы своего скорейшего восстановления. Птица сказала, что сюда не пробраться, а значит и отсюда не выбраться. Придётся снова перелетать через лес с её участием. Ему приходилось наблюдать, как люди летают с парашютом или на воздушном шаре, он всегда считал их безбашенными и знал, что сам никогда такого не сделает. Надо будет

собраться с духом, чтобы проделать это заново.

За дверью послышалась возня, а следом за ней отчётливые шаги по деревянным ступеням. Птица вошла в крошечную тьму и закрыла за собой дверь. Она замерла в тёмном углу, лишь было слышно её учащённое дыхание.

– Где ты была? – не выдержал мужчина.

– На охоте.

Птица завалилась на лежанку.

– Хм. Думал, ты травоядная, орехами питаешься... А ты, оказывается, хищница?

– Я для тебя старалась.

Диалог в темноте продолжал развиваться:

– Ну и как успехи?

– Завтра сварю тебе суп из чирка.

Олег, постанывая, перевернулся на другой бок, одновременно поддерживая беседу:

– Я понимаю, в моей ситуации выбирать не приходится...

Никогда не ел эту дичь. Никакие внутренности с детства не ел. Один раз увидел в деревне, пацаном ещё был, как петуха разделывают и больше ничего такого в рот не брал. Другое дело – филе, и чтоб безо всяких жирков, без сухожилий, никаких шкурочек...

Он растянуто зевнул, продолжая бухтеть:

– А вообще я любитель рыбы. Самое любимое блюдо у меня – это уха! Особенно настоящая речная, и чтоб с лучком, с морковкой... пшено обязательно... А если ещё к ней стопку

хорошей водочки... – Его слова становились бессвязными и неразборчивыми.

Птица молча слушала, как он проваливается в сон и думала о своём. Она тоже витала в своих, только птичьих, мирах, а её сон был настолько чутким, что трудно было понять: спит она или бодрствует?

Ранним утром начало припекать солнце, расчирикались воробьи. Это были последние тёплые деньки перед подготовкой природы к заморозкам.

Олег очнулся от приснившегося кошмара и стал оглядывать обстановку вокруг, заново вспоминая, где он и что тут делает. Женщина находилась возле печи, она что-то помещивала в котелке.

– Виртуальный кошмар сменяет реальный кошмар! – пробурчал постоялец первое пришедшее на ум.

Он с трудом слез с кровати и поплёлся на улицу.

– Я принесла листьев... – сказала Птица, когда он садился за стол. – Надо их приложить к ранам и сменить повязку.

– Не знаю, что это за растение, но с твоим лечением я быстро восстанавливаюсь, – произнёс мужчина, склонившись над горячим супом. – Думаю, в скором времени меня можно будет отправлять обратно.

Женщина после этих слов напряглась. Он проследил взглядом, как она недовольно отошла, опустилась на пол рядом с корзиной, распластав во все стороны крылья и начала перебирать сухофрукты.

Олег прожевал мясо, которое с непривычки пришлось есть без хлеба, и пододвинул к себе железную кружку с отваром из шиповника и ещё каких-то там ягод.

Гость решил завести с ней беседу на другие темы:

– Если не ошибаюсь, твоё платье из натурального шёлка?

Откуда оно у тебя?

Птица покосилась на него боковым зрением.

– Я его украла у арабского посла.

Олег развернулся к столу боком, начал наблюдать за ней с интересом.

– Ничего себе! Ты и воровством промышляешь?

– Ну не летать же мне голой...

Женщина угрюмо отвернулась.

– Логично. – Олег слегка растерялся, собираясь с мыслями. – У меня есть к тебе вопрос... – Он снова замялся. – Если не считать крыльев, ты устроена так же, как наши человеческие женщины?

Она приостановила своё занятие.

– В каком смысле?

– Ну-у, если откинуть крылья, в остальном ты – человек?

Она закатила вверх свои большие глаза с тёмно-кариими кругами радужек и зависла в размышлениях.

– Я не знаю, что ты подразумеваешь под словом «человек».

– Ну ты же много общалась с людьми, это видно. Ты говоришь нормально на человеческом, а не на птичьем языке...

– Я и на птичьём могу, – прервала она его. – Послушай!

Птица в точности сымитировала одну из вариаций иволги, похожую на звуки флейты. У Олега от удивления отвисла челюсть. В первые секунды он впал в ступор – в этой жизни его ничто так не удивляло.

– А хочешь послушать какие звуки издавала бескрылая гагарка? – Хозяйка леса приподнялась с пола. – Я тебе сейчас покажу. Такую птицу ты нигде не услышишь. – Она так же искусно продемонстрировала другие звуки.

– Почему – нигде? – заинтересовался гость.

– Потому, что её больше не существует. Она вымерла.

– Откуда ты всё это знаешь? – Мужчина не сводил с неё замороженных глаз.

– Много пожила на этом свете.

Он решил, что она сказала образно и не заострил внимание, что значит «много», а заикнулся на своём вопросе:

– Много пожила, и не знаешь, чем люди отличаются от птиц, бегемотов, леопардов и кого там ещё?.. Я подумал, что, если ты нормальная баба, то могла бы не скитаться по лесу и воровать чужие вещи... Ты могла бы жить во дворце и тебе дарили бы этих платьев, сколько захочешь.

– Предлагаешь золотую клетку?

Она снова распласталась по деревянному полу, продолжая перебирать. Шикарное мозаичное оперение играло под лучами проникавшего в окно тёплого осеннего солнца.

– Да ты и так в клетке... – съязвил Олег, – только дере-

вянной.

– А ты бы мог подарить мне такое платье? – Она поднялась и подошла ближе, встав прямо у стола, наблюдая за его реакцией.

– Я? – Олег отклонился назад.

Он немного подумал и дал размывчатый ответ:

– Мог бы... Такое навряд ли... а что-то наподобие...

– Ясно.

Она повернулась и направилась к двери.

– Чего тебе ясно?

Мужчина выкрутил на неё голову насколько это было возможно. Хлопнула дверь, и он увидел, как мимо окна вспорхнула в небо крупная тень.

– Ну вот, понеслась снимать напряжение... – проговорил он вполголоса. – А мне то как его снимать?..

Все последующие дни проходили в одинаковом режиме. Птица куда-то летала – в основном поздним вечером, а когда и перед рассветом. День становился коротким, им приходилось вести беседы в кромешной тьме, в целях экономии керосина. Светлую часть дня она посвящала заготовкам на зиму. Женщина развлекала его историями из лесной жизни и не забывала между делом обрабатывать раны.

– Вчера я ходил по округе и видел за домом перекошенную баню... – Эта постройка привлекла внимание Олега из-за наступления устойчивой прохладной погоды.

– Да, она немного завалилась.

– Я уже вполне нормально себя чувствую и хотел бы починить её напоследок, чтоб сделать для тебя полезное. Здесь есть какие-нибудь инструменты?

Птица пожала плечами.

– Откуда они у меня? – Она дошила просторную короткую шубу из волчьей шкуры мехом внутрь и зубами откусила нить. – Но я знаю, что можно сделать.

– Ну-ка?

– Я слетаю в поселение и принесу инструменты.

– То есть, своруешь?

Она на секунду застыла, широко раскрыв свои глазища.

– Я возьму взаймы, потом так же отнесу обратно.

– Без спросу?

– Никто не заметит. Потом верну, да и всё. Примерь-ка вот это!

Мужчина влез в шубу – рукава были длинноваты, капюшон сшивался в виде воронки и, одетым на голову, напоминал высокий меховой колпак. Но зато в ней было тепло, и Олег оценил это.

В тот же вечер птица притащила, как обещала, набор инструментов, и утром Олег, надев волчий полушубок, отправился восстанавливать постройку. Деревянная баня состояла из единственного помещения, с заглубленным в землю очагом, который нагревал сложенную над ним грудку камней. Посреди располагалась труба, выходящая на крышу. Пол в большей части был земляным, а кое-где лежали под-

гнивающие доски. С одной стороны строения, где находилась дверь, древесина отошла от вертикальных столбов, и постройка стала выглядеть перекошенной.

Птица прислушивалась к стуку молотка. Звуки то затихали, то снова возобновлялись. Олег работал последовательно, не спеша. Когда постукивание прекратилось, он заглянул в дом, деловито облокотившись рукой на дверной косяк, со словами:

– Принимай! Твоя баня топится!

Женщина вышла посмотреть: постройка стояла правильно, доски были крепко заколочены, и дверь теперь открывалась без труда.

– Воду откуда таскаешь? – поинтересовался жилец.

– Здесь есть ручей неподалёку.

Олег спустился с ведрами к ручью, присел и опустил в него руку. Вода была кристально прозрачной и холодной, но пока ещё не ледяной, она стекала по крупным булыжникам, омывала кисть руки, растворяясь в небольшой, такой же прозрачной лужице. Он задумался о чистоте окружающей его природы. Эта первозданная чистота была противоположностью той грязи, из которой он недавно выбрался. И выбрался ли... Возможно скоро он погрузится в неё опять – его жизнь снова станет проблемой для определённых лиц и за неё придётся бороться. Но возвращение неизбежно, в самое ближайшее время он должен отправится домой. В то, что с ним произошло на самом деле, никто не поверит, при-

дётся рассказывать, что все эти дни он скитался по лесу и проходил школу выживания.

В бане натопилось достаточно жарко. Олег установил ведра с водой возле топки, затем вернулся в дом.

– Ты со мной в баню не пойдёшь? Почистить свои перья...
Хозяйка леса хмуро на него покосилась.

– Люди с птицами не моются!

Он несколько секунд подумал, переваривая, что она сейчас сказала, и отправился в постройку один. Олег скинул на улице перед дверью одежду и вошёл в натопленное помещение. В бане лежал кусок белого мыла, возможно Птица его тоже у кого-то стащила. Мужчина плеснул воды на горячие камни, она сразу зашипела, превращаясь в пар. На его теле всё ещё красовались побледневшие синяки и ссадины. Олег, стоя на досках, намылил всё тело и сполоснулся согревшейся водой; смытая вода стекала по специальному желобу, выходящему на улицу. Сразу после этого он почувствовал чьё-то присутствие за стеной. Щели между сколоченных досок на миг загордились тенью и снова открылись. Олег постоял, удерживая в двух руках наполовину заполненное водой ведро и опрокинул его на себя сверху.

Когда он вернулся в избу, Птицы в ней не было. Она прилетела через полчаса с ворохом сухих веток для растопки печи.

– Ты что подглядывала за мной? – спросил жилец без доли смущения.

– С чего ты взял?

– Слышал, как кто-то стоял возле бани.

– Ну проходила я мимо... И что такого?

Олег озадаченно следил за её перемещением по дому.

– Да ничего... Попытался предположить: людей наверно изучаешь? Подсматривай себе на здоровье!

Птица приняла деловую позу.

– А что мне вас изучать? Я за все века только и делала, что вас изучала.

– За все чего?.. – У Олега поплыли кверху брови. – Какие ещё века? – Он понял, что она не шутит. – И сколько ты времени здесь обитаешь?

– В этом лесу полвека – с того момента, как в мой старый лес пришли немцы. А до того жила ещё полвека в Эстонии, до неё в Финляндии, до неё...

– Постой, постой! Сколько тебе лет? Или веков, если хочешь...

Хозяйка леса снова нахмурилась, будто он опять сказал что-то не к месту.

– Не знаю, не помню!

Она отвернулась и занялась растопкой.

– Я так понял, что ты – не результат экспериментов. Тогда такие лаборатории ещё не появились. – Олег не хотел закрывать тему. – Хотя кто знает, что там ворочали, в те века... В Древнем Египте почитали божества с головами от разных животных: крокодила, орла... А взять, например, Кентавра!

Тут – человек, тут – лошадь. – Олег располосовал в воздухе своё тело, показывая на себе. – Может это не мифы вовсе? А на самом деле такие существовали? И ты – одна из них?

Птица разнервничалась и ушла из избы. Постоялец с неохотой присел возле печи, взяв на себя прерванное растапливание. Судьба несчастной мутантки начала его беспокоить, к ней появилось чувство жалости, и разговор о возвращении домой Олег решил отложить на другой день.

В этот вечер Птица никуда не вылетала. При тусклом свете лампы они сидели вдвоём за столом, раскалывая грубые орехи, и это, в основном, сопровождалось молчанием. Только тогда, когда они завалились спать на свои лежанки, Олег прервал затянувшуюся тишину:

– Ты, говоришь, много веков прожила... А ты когда-нибудь встречала по лесам себе пару, ну своего крылатого селезня?

– Селезень – это уткин муж, – задумчиво произнесла она, поскрёбывая в темноте ногтями по бревенчатой стене.

– Не так выразился. Я о мужчине-птице. О мужике таком, с крыльями... – Олег перевернулся лицом в её сторону, глаза его резал сплошной мрак. В том углу, где она спала, он был особенно густым. – Или опять скажешь – не помню?

– Я видела такого во сне. – Она ответила и затихла.

– Ну и что ты видела в этом сне? Расскажи мне его.

Олег слушал её прерывистое дыхание, доносящееся из тёмного угла.

– Я видела высокие деревья с голыми стволами, а листья на них были только на самой вершине. Вокруг летали очень необычные разноцветные птицы...

– Не могу представить птиц необычнее тебя.

Она проигнорировала его комментарий.

– Ну так вот. На берегу моря возвышался дворец, и там жили мужчины, женщины, дети. У них у всех были крылья, они взлетали и приземлялись обратно.

Женщина внезапно притихла. Оба прислушались к громкому угуканью филина, подлетевшего близко к избе.

– Погоди, те высокие деревья... Ты видела когда-нибудь пальмы?

– Нет.

– Ты знаешь, где находится Финляндия, Эстония, но никогда не видела пальм? Ты не бывала в жарких странах?

– Не бывала. Я всегда жила там, где было холодно. А где что находится знаю потому, что во время войны я украла карту и запомнила всё, что на ней было нарисовано.

Олег приподнялся на локте.

– Почему же ты тогда в точности описываешь жаркий континент? Деревья с листьями на макушке, разноцветные птицы...

Она заворочалась на своей лежанке.

– Всё, я хочу спать.

Мужчина немного помолчал и опустил на подушку. В лесу зашумела осыпающаяся листва и раздался крик совы.

Возле дома в поисках добычи снова бродило какое-то дикое животное. Олег на это уже никак не реагировал; как оказалось, в лесу не так страшно, даже ночью, надо только привыкнуть.

На следующий день жилец выбрал подходящий момент и завёл разговор о своём возвращении домой:

– Я уже полностью окреп. Мне пора.

Птица повернулась к нему спиной, закладывая коренья в закипающий котелок. Вместо мехового жилета на её плечах был большой коричневый платок с красным рисунком, частично прикрывающий сверху крылья и завязанный на груди.

– Ну что ты молчишь? Когда переправишь меня обратно?

– Ты ещё слишком слаб. Такой ночной перелёт нелегко даётся. К тому же твои враги ещё не успокоились.

Олег резко встал и прошёлся по дому.

– Да какая разница – успокоились или нет?! Я вернусь и сразу поставлю в известность кого надо. Поверь мне – им не поздоровится. И почему ты говоришь: слаб? Ничего я не слаб, даже баню сколотил. Посмотри сколько во мне силищи! – Олег согнул руки и продемонстрировал бицепсы.

– Я знаю. – Женщина повернулась, глядя в глаза. – Подожди ещё немного. Поверь мне, когда всё уляжется, будет лучший момент.

Его грудная клетка от волнения динамично поднималась и опускалась. Он всегда опасался таких ответов, когда, бу-

дучи готовый к экзамену, он вдруг слышит: мы сегодня не можем вас принять, подождите, пока будет подходящий для этого момент, мы потом вам скажем. Самым скверным казалось то, что она говорила об этом с абсолютной уверенностью. Вариантов у него не было, и он принял её предложение: ещё немного подождать.

По прошествии недели Олег начал уставать от гнетущей дождливой осени и опять заговорил о перелёте. Птица разволновалась больше, чем в прошлый раз, снова начала настаивать на отсрочке. Все последующие дни он мрачнел и однажды вечером решил выяснить отношения:

– Какова причина того, что я до сих пор здесь? Мне позарез надо в город!

– Тебя в этом городе чуть на тот свет не отправили!

– Я же не могу жить здесь вечно! Мне надо быть в городе в следующую субботу край!

Олег уже не говорил, а кричал, активно жестикулируя руками.

– И что за срочность, которая ценнее жизни? – с недоверием уставилась на него Птица.

– Да свадьба у меня, ты понимаешь, свадьба!

Постоялец схватил себя за горло, тем самым показывая насколько он загнан в угол. Он уставился на неё обезумевшими глазами; его лицо, на котором к этому времени обозначилась борода, из-за нахлынувших эмоций покраснелось. В какую-то секунду ему показалось, что в её мимике не про-

явилось ни малейшего удивления. Но она всё же задала вопрос:

– Чья свадьба?

– Да моя свадьба, ты понимаешь, моя! У меня в городе невеста-красавица, с ума там сходит... Похоронила меня, наверно... А я тут себе прохлаждаюсь!

Птица отвернулась и ему послышалось, как она пробурчала себе под нос: «Хорошо бы, если б похоронила...» Он застыл на одном месте; краснота на его лице сменилась бледностью.

– Что?

– Если поспешишь, тебя и похоронят! И вряд ли тогда твоя невеста тебя дождётся.

Олег поостыл, а скорее всего, сделал вид. Он сел за стол и отвернулся к окну, залитому проливным дождём. Лес за окном приобрёл мокрый и понурый вид, деревья всё время колыхались от влажного ветра, на небе была одна серость. Ему показалось, будто лес что-то шепчет, словно он был большим единым организмом, разговаривающим с ним на своём языке.

– В такие моменты начинаешь представлять: каково сейчас зверькам, которые там живут? – сказал Олег, всматриваясь с грустью в тёмную глубину под мокрой листвой. – Где они сейчас прячутся от дождя? У кого есть норы, они сидят в них и наблюдают, как я сейчас. А у кого их нет?

– Прячутся под ветвями, – ответила Птица. Она располо-

жилась за столом с другого края.

– Вот и я сейчас прячусь.

– У тебя есть нора.

Олег повернулся, глядя на неё с укором.

– Ты хоть понимаешь, что я не зверь? И не мужик-птица!

Я привык жить в городе, среди людей. – Он опустил глаза, нервно теребя повязку на запястье. – Мы заказали дорожный ресторан. Народу понаприглашали – сто человек! Этих троих среди них не было, наши с ними отношения к тому моменту уже разладились. Может всё это и послужило дополнительным толчком к тому, что они совершили. А может и без того планировали... В любом случае от них исходила одна зависть. – Он разворошил повязку так, что она развалилась. Тогда он нервными движениями полностью развязал её и закинул на кровать. – Я познакомился с ней полгода назад. Когда увидел её, просто потерял дар речи – девушка с обложки, даже представить себе не мог, что она обратит на меня внимание. Конечно, зависть... Вот поэтому я здесь.

Дождь с грозой всё не прекращался. Олег дня четыре ни на чём не настаивал, понимал, что в такую погоду ни одна птица не летает и не то, что птица, даже у самолётов нелётная погода. Но на следующей неделе, когда небо прояснилось, начал снова психовать: почему он до сих пор продолжает сидеть в этой избушке, почему они никуда не летят? Птица отговаривала его, как могла, и чем ближе подходил день свадьбы, тем ожесточённее он становился. Теперь они каждый

день либо не разговаривали, либо скандалили по пустякам.

За день до свадьбы выдался хороший день. Хозяйки не было дома. Олег, не выдержав, набрал с собой питьевой воды, прихватил съестное и отправился в путь, определив по солнцу, куда бы он хотел пойти: на восток или запад. К сожалению, он даже примерно не представлял в каком лесу находится. После часа такой ходьбы, он понял, что заблудился. Лес начал его поглощать: он раскладывал перед одиноким путником приманки, нащёптывал куда двигаться дальше, предлагал одновременно несколько дорог на выбор и сулил ему нескончаемую вечность.

Олег попытался забраться на высокое дерево, расположенное на возвышенности. Со всех сторон ему открылась сплошная однородная лесная масса. Он начал осознавать, что даже к вечеру не дойдёт до виднеющегося вдали мутного горизонта, за которым этот лес может простираться в десятки раз длиннее. Так же ему представилось, что скорее всего он схватит здесь воспаление лёгких и начнёт медленно умирать на этой холодной, покрытой мхом и лишайником земле, и его ещё при жизни будут объедать дикие звери, устраивая разборки между собой за кусок его беспомощного, в прошлом холёного, тела.

Ему захотелось вернуться назад, но вся беда была в том, что он и понятия не имел, в какой стороне находится птичья избушка. За время похода он неоднократно менял курс: с запада на восток, с юга на север. Над головой кружили зе-

лѐные ели, бесконечные сосны, этим чѐртовым хвойным не было конца и края.

Тут он остановился, уставший и измотанный, на небольшой, освещаемой солнцем, поляне, закрыл глаза и перед ним предстал образ его невесты. Олег увидел, как с её гладкой щеки стекают слѐзы прямо на бесполезное, раскинутое на кровати, шикарное свадебное платье, как стоят на ушах все его близкие и говорят только об одном. И никто не представляет, где его искать: телефон определяется в какой-нибудь вонючей помойке или у пьяного бомжа, машина по-прежнему мозолит глаза возле дома, камеры ничего не видели, люди ничего не слышали...

Вдруг он вздрогнул от внезапного шороха за спиной и открыл глаза, но не успел обернуться, как Птица подхватила его и потащила обратно в свою одиноко стоящую бревенчатую избушку. Он плыл над зелѐной массой, пытаясь вспомнить: какой же он, этот страх, как он ощущается? Но от бывшего страха ничего не осталось, хуже было там, внизу, в дремучем непролазном лесу, в котором волки точно водятся.

Оказавшись во владении Птицы, он снова разозлился: почему она не понесла его к людям, а опять приволокла сюда? Женщина пыталась его успокоить, но её усилия были тщетны. К вечеру он совсем разбушевался, устроив в избе скандал, его крик сотрясал стены.

– Вот зачем я тебе нужен? Мало ли ходит людей по лесу? Почему ты выбрала именно меня? Ты хуже, чем эти ублюд-

ки недоделанные! Они бы шлёпнули меня сразу, но ты нет... Ты берёшь измором, чтоб помучить, поиздеваться подольше... Мстишь за то, что такой родилась? Да тебе место в зоопарке! Чтобы ты могла там сидеть в вольере, а мимо будут проходить люди и швырять тебе коренья!

Взбесившийся Олег метался по всей избе, подогреваемый собственной злостью. В один момент он нарвался на ведро с орехами.

– И достали меня твои орехи! – Он долбанул ногой по ведру, и оно просыпалось по полу. – Я тебе не белка! Я живой человек!

Хозяйка дремучего леса на протяжении всего этого разлетающегося во все стороны словесного извержения сохраняла молчаливое спокойствие, обладая поразительным хладнокровием. Она напоминала окаменелую статую древнеегипетского фараона. К концу дня постоялец, вымотавшись за столь экстремальный день, завалился спать уставшим и голодным.

На рассвете Птица улетела навстречу восходящему солнцу за горизонт, к верховью извиистой реки. Она приземлилась на берегу за дикими зарослями. Прохладная вода стянула над собой влажный голубоватый, благоухающий смесью запахов речных водорослей и сухой листвы, туман. Птица отклонила в сторону ветки кустов и увидела сидящих вдоль берега рыбаков. Она подвязала широким поясом крылья, чтобы их концы не выглядывали из-под накинутой на плечи

огромной шкуры. меховое одеяние примяло своей тяжестью макушки крыльев, хотя и угадывался небольшой горб, больше похожий на увечье.

Женщина мягкой поступью приблизилась сзади к первому попавшемуся рыбаку. небритый мужик в камуфляжной куртке и резиновых сапогах на вид лет сорока пяти смирно сидел, держа в руках длинную удочку. Он закинул её по новой, и от нырнувшей блесны на поверхности воды расплылись ребристые круги. неподалёку возле старого кострища лежала стопка дров, приготовленная для розжига.

– Эй! – нерешительно окликнула его Птица.

Тот немного дёрнул головой и, больше никак не реагируя, продолжал сидеть на месте.

– Рыбак!

Мужик повернул голову вполовину, стараясь не спугнуть рыбу, затем безразличным голосом отозвался:

– Чего тебе?

Птица немного осмелела.

– У тебя найдётся луковица? Я тебе на ней погадаю.

Удильщик повернулся ещё в пол оборота.

– А ты что, цыганка? – Рыбак оценивающим взглядом пробежался по ней с головы до ног.

– Цыганка! Я из старинного кочующего табора.

– Я тебе сразу говорю – у меня денег нет! – коротко отрезал рыбак и снова взялся за удочку.

– Да не нужны мне твои деньги! Мне нужна только луко-

вица.

Мужик с неохотой отложил удочку, поднялся и подошёл ближе, на ходу вытирая руки о бока. Он пристально изучал новый объект, неожиданно появившийся на этом берегу в такую рань, одновременно бегая глазами по сторонам. Женщина стояла, не шевелясь, удерживая цепкими пальцами на груди концы запахнутой шкуры.

Рыбак полез в свою котомку, достал оттуда головку лука. Птица протянула руку, забрала луковицу и начала вертеть её на ладони.

– Жена у тебя беременная... – У мужика при её первых словах стала медленно отвисать челюсть. – Долго ждали, пятнадцать лет, а на днях узнали радостную новость.

Рыбак испуганно начал переминаясь, ища вокруг поддержки неизвестно от чего.

– Откуда ты это знаешь? – выдавил он. – Мы ведь никому ещё не сказали. И здесь об этом никто не знает... – Мужик стоял, как замороженный.

– Будет мальчик!

Птица, не реагируя на его расспросы, деловито спрятала луковицу у себя за пазухой. Рыбак засуетился и подбежал к другому, так же сидящему с удочкой, который уже давно наблюдал за ними с интересом. Он наклонился, что-то прошептал тому на ухо, тот рыболов тоже пристроил удочку, встал и подошёл к странной особе.

– У тебя есть пшено? – сходу спросила Птица.

Мужик молча отправился за крупой. Через полминуты он возвращался ровным шагом, неся в руке небольшой пакет с жёлтым содержимым. Женщина развязала пакет и начала водить по пшенице кончиками пальцев, приговаривая:

– Болезнь ты у себя обнаружил, а к врачу всё не идёшь...

У второго рыбака случилась та же реакция. Он удивлённо замотал головой, поглядывая на соседа, а Птица уверенно продолжала:

– И зря не идёшь! Вижу: разведён ты, в поисках давно... Вот она, та, что будет лечить тебя и есть твоя судьба. Сойдётесь вы с ней, на всю жизнь сойдётесь.

Птица запихивала мешок за пазуху, когда ошеломлённый рыбак начал с растерянной улыбкой пояснять второму:

– Действительно замучила боль в суставе. Каждый день собираюсь в поликлинику, да ноги не несут. Там у нас принимает женщина – я в школьные годы за ней ухлёстывал. Поэтому и не иду, стесняюсь как-то на глаза ей попадаться...

«Цыганка» двинулась вдоль берега, а рыбаки кликнули третьего. Они подошли к пятидесятилетнему грузному рыбаку, который в это время спускал на воду резиновую лодку и предложили дать этой особе пшеницы или лука, чтобы та показала чудеса.

– Не надо пшеницы! – крикнула им Птица. – Пусть даст мне морковь!

Третьему она нагадала переезд в новую квартиру, чем тоже удивила. Мужики на радостях подарили ей поллитровую

баклажку с прозрачным содержимым, пояснив, что кочевникам без этого не обойтись. Загадочная брюнетка, получив, чего хотела, быстро затерялась среди деревьев. При полёте над рекой она резким движением выловила довольно-таки крупную рыбку и вернулась в свою избу не с пустыми руками.

Через час после её возвращения проснулся Олег. Он продолжал лежать лицом к стене, вяло выражая недовольства по поводу своего пробуждения:

– Да что ж мне такие сны снятся в этом аду? Будто уха передо мной варится... Ну зачем ты меня разбудила? Такой был сон...

Он развернулся и приподнялся на локте. На печи дымил котелок. Олег уловил ноздрями невидимый дымок и замер в одном положении. Птица опробовала уху на вкус, после чего сняла котелок с печи. Жилец спрыгнул с кровати, подошёл к столу и склонился над котелком.

– Откуда? – Он был поражён.

– Сварила, – спокойно произнесла хозяйка.

– А ингредиенты где взяла?

Он, не шевелясь, наблюдал, как женщина наполняет ухой железную миску. Поставив её перед Олегом, она коротко ответила:

– У рыбаков выпросила.

– Представляю их реакцию, когда ты к ним подлетела. Я бы тоже всё отдал.

– Никуда я не подлетала. Я к ним просто подошла. – Она наклонилась и полезла под стол.

– А как же крылья?

– Они их не заметили.

Мужчина расположился перед миской и, не успев приступить, уставился, как она что-то наливает ему в кружку. Олег поднёс кружку к губам, определяя на запах содержимое.

– Я просто в шоке! Это же самогон!

Птица уже сидела за другим краем стола и молча разбира-
ла рыбку голову. Олег, до сих пор не приступив к еде, спо-
койно смотрел, как она отделяет варёный глаз и с довольным
выражением его съедает.

– Мечты сбываются... – прокомментировал он свои эмо-
ции, находясь в состоянии эйфории. В это время она ковы-
ряла второй глаз.

Олег не спеша приступил к ухе.

– В каких ресторанах я только не бывал, но не ел ничего
вкуснее.

Он подносил наполненную деревянную ложку, вдыхая
аромат с нескрываемым наслаждением, в промежутках
опрокидывая порцию самогона. В общей сложности Птица
трижды наливала ему суп, а самогон он подливал себе сам,
пока тот не закончился.

Мужчина ошивался вокруг неё подвыпивший и доволь-
ный. Постепенно он стал действовать ей на нервы. Когда он
попытался её приобнять, Птица его оттолкнула.

– А-а-а... Рылом не вышел? – возмутился, пошатываясь, жилец. – Ты тут царица, а я – шут гороховый!

Он обиженно побрёл на улицу.

Через несколько минут он вернулся, и проходя мимо женщины снова начал хватать её за талию, утягивая на лежанку. У Птицы закончилось терпение, и она с силой отшвырнула его к двери.

– Ни фиги себе... – растянуто выдавил опрокинутый постоялец. – Сколько в тебе силищи то! – Он не спеша начал подниматься, держась за бок. – Я был неправ насчёт зоопарка... Тебе надо в реслинг, там тебе не было бы равных.

Женщина молча наблюдала, как он, прихрамывая, бредёт в сторону кровати и заваливается на неё, словно трухлявое бревно.

– Думаю, я отсюда уйду более побитым, чем пришёл... – Он уставился стеклянными глазами в деревянный потолок с болтающейся в углу паутиной. – Если уйду, конечно...

Птица, ничего не сказав, ушла из избы и куда-то сразу улетила.

Олег провалялся в забытии, пока не зашло солнце, и заворочался после того, как проснулся от дрожащего на стене отблеска горячей лампы. Он молча полежал и подумал, восстанавливая в памяти прошедшие события. Птица в это время возилась на своей лежанке, расположившись к нему спиной.

– Я просто полный дегенерат! – Она повернулась к нему

ухом в ответ на его выражение. – Неудачник хренов! Бизнес профукал, бабе своей жизнь подпортил, а теперь тут ещё кочевряжусь... – Птица отвернулась, показывая безразличие и снова занялась своим делом. – Вот зачем я тебе такой нужен?

– Ты мне не нужен... – сухо произнесла она.

– А чего ты меня тогда держишь? – Олег приподнялся, пристально уставившись на её крылья.

– Чтобы сохранить тебе жизнь. – Она говорила ровным голосом непонятные для него фразы.

– А зачем мне нужна такая жизнь?

Птица снова повернула голову, помолчала и так же монотонно продолжила:

– Ты думаешь только о себе. А каково будет твоим родителям, когда тебя не станет? И кто будет помогать сыну?

Олег резко вскочил, не сводя с неё глаз.

– Откуда ты знаешь, что у меня есть сын? – Птица, ничего не отвечая, продолжала вдевать нитку в иголку. – И про родителей... – Она молчала. – А! Кажется, я понял. Наговорил тут в бреду всякого...

Постоялец встал и направился на улицу. Он остановился перед дверью, решив продолжить тему:

– А какой им толк оттого, что я живой? Всё-равно мои родители считают, что я умер.

– Сейчас у них есть надежда. Они догадывались про твои проблемы и теперь полагают, что ты скрываешься. А другое дело – что они почувствуют, когда найдут тебя на пороге с

пулей в башке?

Олег отпустил дверную ручку.

– Офигеть, какая ты проникательная! С пульей в башке...

Чего я тут ещё тебе наговорил?

Птица взглянула на него исподлобья критически.

– Да иди уже... – сказала она. Затем проворчала: – Достал!

Вернувшись, Олег доел оставшуюся холодную уху и, так как заняться было нечем, снова завалился на кровать. Женщина погасила лампу и тоже прилегла.

– Мне как-то неудобно, что я сплю на кровати, а ты на этом маленьком лежаке, – заговорил первым Олег.

– Можешь не волноваться... Я не могу спать на кровати – у меня на ней крылья не умещаются.

В окно заглянула полная луна, разрезанная поперёк дымчатой поволокой. На полу появилось яркое светлое пятно. Разнородность его оттенка менялась так же, как и главное ночное светило, бледнея или временно исчезая под влиянием перемещающихся туч.

– Ты заговорила про родителей, и я вот что подумал... А ты помнишь своих? Кто-то же тебя произвёл на свет?

Птица задумчиво ему ответила:

– Я смутно помню маму.

– Что же ты про неё помнишь?

– Помню, как она несла меня в руках, убегая от погони. Её подстрелили из ружья, и она, выбиваясь из последних сил, пыталась унести меня подальше в горы и спрятать в пещере.

– Ты была ребёнком?

– Да, я умещалась в её руках.

– Так... Ружья значит уже были, когда ты родилась, – начал рассуждать Олег. – Значит ты не такая древняя, как я подумал.

– Она спрятала меня в горах, истекая кровью. А потом я сидела возле неё и смотрела, как она умирает. Если птицу ранить, она умрёт, ей не выжить.

Мужчина в душе посочувствовал.

– И что было с тобой потом?

– Я осталась одна. Питалась ягодами и, чтобы жить, отнимала у ястребов добычу. Они постепенно перестали гнездиться возле меня: такое соседство им не нравилось.

Олег ждал продолжения, но Птица умолкла. Из её угла доносилось лёгкое шуршание.

– Я вот лежу и думаю... – заговорил он, – ваш мир и наш, с одной стороны чем-то схожи... Происходит борьба за выживание. Только разница в том, что у вас нападает и отнимает голодный – сытый делать этого не будет. А у нас... Это делает как раз сытый. Вот у моих друзей, теперь бывших, было всё, далеко не бедствовали. И я у них, заметь, ничего не отнимал, я день и ночь пахал, как проклятый. И как они со мной в результате обошлись? Решили отобрать у меня мою добычу! – Олег сделал акцент на слове «мою».

– Время всё расставит на свои места, – тихо произнесла женщина.

– А ты мудрая сова! Ты могла бы стать у нас хорошим психологом.

Птица закопошилась, переворачиваясь на другой бок.

– Ты постоянно пытаешься найти мне место в вашем мире. Вначале предлагал стать чьей-то содержанкой с кучей сменных платьев, затем грозился поместить меня в зоопарк, потом в какой-то реслинг, теперь предлагаешь стать хорошим психологом... Знаешь, я тоже тебе скажу: ты мог бы у нас стать хорошим медведем.

Олег захохотал и запинаясь выдавил:

– Такую работёнку мне ещё никто не предлагал!

Следующие три дня у постояльца не было сил, чтобы куда-то рваться. Птица кормила его на убой, каждый день таская разную рыбу и дичь. Иногда он жарил её сам или запекал на углях. Но постепенно его настроение стало ухудшаться, он затосковал по дому и той жизни, что у него была раньше. Олег снова начал намекать на возвращение, пытаясь уговорить Птицу по-хорошему, только она всё время ускользала от этой темы, чем вызывала в нём злость.

Ранним утром он проснулся и внезапно начал собираться: обул свои кроссовки, напялил шубу, прихватив пустую баклажку для воды.

– Всё, я ухожу! – Хозяйка взволнованно наблюдала за его движениями. – Не отнесёшь – не надо! Я сам пойду. И мне плевать, кто там... волки или кабаны... Сожрут так сожрут! Я так больше не могу! Меня заждались дома.

Он в образе упрямого быка направился к двери уверенным шагом, только Птица стала ему перегораживать дверной проём. Олег разозлился и с силой вытолкнул её наружу. Она стала сваливаться со ступенек и в последний миг, развернув крылья, удержалась в воздухе. Между ними завязалась потасовка. Со стороны женщины был немалый перевес, она обладала довольно-таки крепкой мускулатурой. Теперь со ступенек полетел Олег, и потасовка продолжилась на земле.

– Ты просто чокнутая фанатичка! Тебе место в тюрьме по статье за киднеппинг! – орал Олег на всю округу. В это время Птица пыталась затянуть его обратно. – Оставь меня в покое! Я всё равно уйду к своей невесте!

Женщина отпрянула назад, выкрикнув со всей дури:

– Да нет никакой невесты! Вали куда хочешь!

Вначале Олег после высвобождения хотел стремглав бежать, но удержался на одном месте, пытаясь найти смысл в её словах. Он вернулся и решил уточнить:

– Что значит – нет?

Птица за время борьбы запыхалась, она переминалась взад-вперёд. Женщина смотрела на него в упор и не могла подобрать нужных слов. Мужчина ждал объяснений, и она была вынуждена рассказать:

– Я с первого дня возвращалась на то место, чтобы послушать, о чём они там говорят.

У Олега на лице и шее проступили пульсирующие синие-зелёные вены. Каждое услышанное им слово действовало

на него, словно электрический разряд дефибриллятора, возвращая его в сознание с каждым очередным запуском. Птица медленно и тяжело дышала, длинная прядь её взлохмаченных волос завалилась на лицо, она небрежно её откинула, продолжая излагать дальше:

– Твои «друзья» на рассвете вернулись с собаками, пытались взять след. Я слушала всё, о чём они говорят. У меня острый слух, я даже слышу, что говорят у них в телефонах. На следующий день с ними приехала Оксана.

– Что? Оксана к-какая? – У него нервно дёрнулся лицевой мускул. – Моя-я Оксана?

– Да, Олег.

Он сделал длинный выдох и провёл ладонью по лицу, метнувшись по кругу, как ягуар, запертый в тесном передвижном фургоне.

– Так! Скажи мне, что они с ней сделали?

Мужчина подошёл к Птице впритык, глядя прямо в глаза.

– Что сделали, я говорю?! – заорал он на весь лес и схватил её за борта волчьего жилета.

– Почему они должны с ней что-то сделать? Ведь это их человек. И ваша свадьба – полная фикция. Это было нужно лишь для того, чтобы держать тебя в поле зрения. Ты ошалел от её красоты и даже ничего не замечал.

Олег медленно разжал окостеневшие кулаки. Казалось, что сейчас он постарел в один миг.

– Почему ты не рассказала мне об этом сразу? – произнёс

он сорванным хриплым голосом. Почва уходила у него из-под ног.

– Да ты бы ещё раньше побежал разбираться... Когда для тебя самый лучший выход – выждать время, чтобы эта банда окончательно поверила в твою смерть. Я каждый день проживаю в мире, где постоянно кто-то на кого-то охотится. И поверь, мне лучше знать, что такое правильная стратегия.

Олег побрёл отрешённо в сторону, его развёрнутые широкие плечи теперь обмякли, спина ссутулилась, руки стали невесомыми. В какую-то секунду он завис на одном месте и истошно вскричал:

– Что ж всё так паршиво! Да что же всё так паршиво то, а?!

У Птицы на глазах проступили слёзы. Она стояла с безвольно опущенными руками и беспорядочно раскиданными по сухой траве концами самых длинных её пятнистых перьев. Он обернулся и угрожающе взглянул на неё.

– Ты думаешь мне нужна такая жизнь?!

Его грубый голос отдавался невидимым эхом в бесконечном и в то же время замкнутом пространстве. Он терял свою грубость, преображаясь в более высокий немужской тон.

– Какой смысл себя спасать, если мне не нужна такая жизнь?! – орал он, сотрясая весь лес, и без того подрагивающий от ветра.

– А какая жизнь тебе нужна? – она говорила спокойно, чем выбивалась из заданного им беснующегося ритма.

– А-а-а... Совсем забыл, что я на сеансе у психолога. Муд-

рая сова, да?

– Ты вначале определись: какая жизнь тебе нужна? Сколько я с тобой общаюсь, только и слышу, что тебе не нужна такая жизнь, ни здесь, ни там... Чего ты хочешь? Чтобы были одни взлёты, без падений? Чтобы у тебя была только красавица и никакая другая? Чтобы друзья были вечно друзьями? А если не так, то жизнь сразу не нужна! Ведь ты же развязал ту верёвку в багажнике... Ради чего? Ты мчался, обдираясь о колючие кусты... Зачем?

Олег молчал, не прерывая её ни на секунду. В голове всё перемешалось: жизнь-смерть, взлёты-падения, Оксана и наконец она, Птица – та, что продолжала сейчас говорить странные вещи:

– Да ты хоть знаешь, что такое по-настоящему бороться за жизнь? Когда ты не знаешь кто ты, не помнишь своего имени, не имеешь друзей... Сколько раз на моём веку усовершенствовалось оружие, предназначенное, чтобы убить меня, но я не кричу, что мне не нужна такая жизнь! Я знаю, что весь мир мой, несмотря ни на что...

Он смотрел в никуда потухшим взглядом. Прохладный ветер мотал одиноко стоящие деревья. Из-за пронзительных криков затаилось всё вокруг: птицы умолкли, лес не шептал, все выстроились ровно и ждали его приговора, того самого вердикта, который поставит точку во всей этой истории – игры жизни со смертью. Лишь над головой появился растянутый клиновидный косяк улетающих птиц, возглавляемый

вожаком. Олег запрокинул голову вверх и слегка сощурился, глаза от небесного яркого света наблюдал за его равномерным полётом, за взмахами пустотелых крыльев, рассекающими воздух. Этот поток проходил через всю стаю в одном резонансе. Вожак издал гортанный клик. Стая пролетела над головами и постепенно скрылась за макушками высоких сосен.

Олег тяжело поднялся по ступенькам, словно каждое сгибание его колен совершалось по умоляющей просьбе мозга, и с грохотом закрыл за собой дверь. Он лёг на кровать, отвернулся к стене, кое-как натянув на плечо, брошенное поперёк кровати, одеяло. Весь день Олег ничего не ел и практически не вставал. Птица в душе беспокоилась за него, но старалась вообще не трогать, в то же время, не теряя его из виду.

Утром он зашевелился и повернулся, оглядывая дом, шурясь от ярких солнечных лучей. Птица на кривой чугунной сковородке жарила яичницу.

– А яйца где взяла? Сейчас вроде никто уже не несётся, все только улетают... Кроме меня, соответственно.

Постоялец спустил на пол босые ноги. В избе было хорошо натоплено.

– Одолжила в поселении. Всего четыре яйца.

Олег усмехнулся.

– Отдавать чем будешь? Яйцами? Одолжила она...

Женщина на него покосилась и перенесла сковороду на стол.

– Ты зря ёрничаешь, – сказала она. – Отдавать я буду, конечно, не яйцами. Прошлым летом ночью в этот хлев хотел забраться вор. Я хорошо его напугала: одела на голову мешок и пронесла по воздуху. Думаю, он вряд ли сунется когда-нибудь в это поселение.

Постоялец поразмыслил над услышанным, засунул подальше свою гордыню и подсел к столу, изголодавшись за сутки. Они молча сидели, опустошая сковороду, и соскрёбывая с неё запёкшиеся корочки деревянными ложками.

Во второй половине дня Олег устроил себе трудотерапию. Он заточил старый топор и занялся заготовкой дров. Птица с грустью в глазах наблюдала, как он тягает брёвна. Всё наколотое мужчина ровно складывал в пристроенную возле дома дровницу.

Прервав работу, он вернулся в избу со словами:

– Чёрт! Занозу вогнал... У тебя нечем вынуть? – Олег раскрыл свою ладонь: на боковой стороне первой фаланги указательного пальца темнела заноза. Женщина взяла его руку, склонила голову и, слегка выдавив, подцепила её зубами. В растерянности, наблюдая за её действиями, он нежно дотронулся свободной рукой до её спутанных волос и приобнял.

– Всё будет в порядке... – произнёс он. – Я обещаю.

Она проводила взглядом его спину, понаблюдала как Олег закрывает за собою дверь. Его спина снова появилась в проёме окна, удаляющаяся в лес в поисках очередного дерева.

На протяжении трёх недель мужчина больше не возвра-

щался к теме о своей прошлой жизни. Казалось, он её просто выкинул из своей биографии. Его увлекли хозяйственные дела, и он всё время копошился за домом. Периодически растапливал баню и парился, пока было светло – время в бане текло по-другому, его всегда хватало на продолжительные думы о жизни.

Ночи стали холодными, иногда минусовыми. При оседании на землю охладившегося воздуха за окном витали клубы густого тумана, он обволакивал всё вокруг, и видимость была только на расстоянии вытянутой руки. Птица обулась в пошитые ею сапоги мехом внутрь, простёганные на стыках по краю грубой и крепкой нитью. Олегу она тоже смастерила такие же, только большего размера.

Жилец тщательно конопатил мхом щели в брёвнах, когда она подошла к нему, закутавшись в шкуру и завела разговор:

– Тебе теперь можно возвращаться в твой город.

Олег на секунду замер в одном положении и вновь равнодушно продолжил дело.

– Чего я там забыл? – В его вопросе, или скорее ответе, она уловила тон безразличия.

– Ты должен вернуться к своим.

Мужчина всё-таки остановил свою работу.

– Опять я кому-то должен... Мне и здесь неплохо живётся! – Он снова застучал камнем по обуху топора, вгоняя в щели мох. – У меня дел по горло, мне ещё в бане надо отверстия заделать, чтобы тепло не улетучивалось, и чтобы тебе

некуда было подсматривать.

– Я за тобой не подсматриваю!

– Жаль... А я так надеялся...

Птица не стала больше настаивать, он не был готов к серьёзному разговору. Она вернулась в дом и обратила внимание, что Олег перестал стучать.

На ужин хозяйка потушила зайца в собственном соку с кореньями. Постоялец наложил в миску первую дымящуюся порцию, исподлобья поглядывая на Птицу.

– Ты бы шапку себе сшила, а то ходишь в такую холодину без головного убора.

Он достал двумя руками костлявый кусок и принялся объедать мясо.

– Когда буду лететь, её снесёт ветром, – отмахнулась Птица. – Да мне не холодно, я привыкла.

Она решила вернуться к прошлой беседе:

– Что ты надумал насчёт возвращения?

Олег сразу похмурил и ещё ниже склонился над миской, будто в ней можно было спрятаться от любого неприятного разговора.

– Я не готов туда возвращаться.

– Когда ты будешь готов?

Олег снова нервно заёрзал.

– А что по стратегии я должен сделать это именно сейчас?

– Ну не обязательно... Только чего ждать?

Он поразмыслил над ответом, разъединяя кости.

– Я хочу стать зрелым. Не таким, как был раньше.

Птица встала из-за стола.

– Я больше не буду на тебя давить. – Она направилась на улицу, кинув при этом: – Будешь готов, сообщи!

С того дня прошло ещё две недели. Их быт шёл размеренным ходом, пока однажды Олег не проснулся перед самым рассветом от ощущения того, что хозяйки слишком долго нет после ночной охоты. Он зажёл лампу, накинул шубу, вышел на крыльцо и первым делом стал водить глазами по небу, светлеющему над лесными кронами. Через несколько минут вдалеке показался крупный летящий объект, и Олег облегчённо выдохнул. Когда до дома оставалось уже недолго, мужчина заметил, что объект летит неравномерно, как должен, а будто теряет высоту. Он вздрогнул при внезапном его падении. В конечном итоге летящее тело окончательно скрылось в макушках деревьев.

Олег сразу кинулся бежать в том направлении. Он отмахивался от тычущих в лицо ветвей, перепрыгивал через преграды и в результате домчался до приблизительного места, где это случилось.

– Птица! – во весь голос крикнул он в лес. – Птица!

Лес взялся за старое. Его демоны цинично хохотали над человечком, укрывшемся под шкурой волка. Но на этот раз всё усложнялось: к однообразным, как близнецы похожим друг на друга, высоким соснам в дополнение добавился такой же однообразный туман.

– Птица!

В ответ прозвенело эхо.

Ему послышалось шуршание ветвей, он сразу насторожился, после чего кинулся, прикрываясь руками, в хвойную стихию. Когда он с треском перелез через сухие препятствия, ему открылось большое дерево, на котором головой вниз свисала его фея. Крылья зацепились за ветки и распластались в разные стороны. Он подобрался к дереву и заметил, что с её правого плеча стекает кровь.

Олег торопливо полез на дерево, приговаривая на ходу:

– Я сейчас! Держись!

Сучки под ногами обламывались. Он кое-как забрался по веткам, с трудом дотянулся и ухватил её за руку. Птица стала сваливаться вниз. Олег попытался её придержать, но завалился вместе с ней на густой ковёр влажной хвои. Она была в полусознании и после лёгкого похлопывания по щекам приоткрыла глаза.

– Выстрел... – простонала она. – Теперь я умру.

Олег с нетерпением начал вокруг неё суетиться, пытаясь поднять. Наконец он взвалил её на руки и семенящим бегом двинулся в том направлении, откуда пришёл, ни на минуту не умолкая:

– Ну что ты, милая, ты не умрёшь... Держись! Ты главное сознание не теряй! Потерпи немного... Достанем мы эту пулю... Я ж по образованию – ветеринар! С твоей матерью так получилось, потому что ветеринара не было рядом... А

у тебя он есть – свой собственный. И с птицей я работал, не сомневайся! Один раз тукана даже лечил. – Олег сквозь слёзы засмеялся.

– Я тогда и месяца не проработал... – начал он вспоминать. – Думаю, кого это он мне тащит в коробке? А там, представляешь, тукан! Так я его вылечил – пришлось, конечно, созваниваться с опытным ветврачом. А потом... – Олег остановился и перераспределил вес ноши в напряжённых руках. – Потом Сёма втянул меня в ветаптечный бизнес. Но ты не думай, что я забыл, как это делается... Достанем мы твою пулю! – Он различил виднеющийся в тумане бледный огонёк и со своей ношей направился к дому. – Ну вот и пришли!

Мужчина запыхался и вспотел, осталось только взобраться на ступеньки. С силой пнув ногою дверь, он занёс Птицу в избу и уложил на лежанку. Она тяжело дышала, находясь в сознании. Олег устроил раненое плечо повыше и укрыл женщину по пояс своим одеялом.

– Я сейчас! – Он покрутился по избе. – Да где же это?..

Затем помчался в баню, наложил на камни самых тонких дров и щепок, разжёг их и поставил на них два ведра, в каждом по одной трети воды. На улице к этому времени рассвело. Мужчина вернулся в дом, подбежал к Птице и разорвал на ней платье в районе плеча. Он осмотрел рану, продолжая приговаривать:

– Стреляли наверняка с большого расстояния – пуля на излёте. Ты только потерпи ещё немного. – Он разорвал про-

стыню на широкие полосы, отнёс их в баню и закинул в горячую воду. Затем подложил в огонь под вёдра поленьев. Олег снова вылетел на улицу и отломил на кусте две подходящие тонкие ветки. Вернувшись с ними в дом, он заточил их ножом. После этого он тщательно вымыл руки с мылом, а покипевшие бинты развесил в доме, чтобы они охладились.

– И зачем я выпил весь самогон... – приговаривал бывший ветеринар. – Как бы он сейчас нам пригодился!

Когда всё было готово, он хотел вложить её в зубы деревянную ложку, но Птица отвернулась. По выражению её лица было понятно, что она не боится боли, возможно чувствительность в ней давно притупилась. А может её и не было вовсе?

Он проделал операцию с помощью заточенных палок. Пуля со звоном упала в ржавую консервную банку. Наложив на рану тампонаду из остывших бинтов и сделав повязку, он укрыл Птицу по плечи одеялом и поднёс к её губам стеклянную банку с отваром из трав.

– Выпей! – Мужчина приподнял ей голову. Она слегка пригубила, жидкость струёй побежала по щеке. Олег промокнул её концом одеяла. – Как всё просто: сначала ты лечишь меня, а теперь я тебя.

Птица утомлённо приоткрыла глаза, она моргнула – это говорило о том, что она с ним согласна.

Весь день Олег следил за её состоянием. Он размочил в травяном отваре засушенные листья, которые Птица раньше

прикладывала ему к ранам, и когда пришло время менять повязку, начал подкладывать их. Использованные бинты он застирывал в бане, кипятил в ведре и развешивал сушить в доме, возле печи. Птица много спала, она совсем выбилась из сил.

Олег ощутил в себе полную беспомощность – ловить дичь он не умел. В результате он смастерил лук, используя пацанский дворовый опыт и предварительно потренировался возле дома. Тетиву несколько раз пришлось перетягивать, пока он не добился нужного результата. Затем он отправился на охоту. Главное правило, которое он себе объявил – не лезть в дебри, чтобы не заблудиться. Ему пришлось периодически оставлять метки. Лес теперь он оценивал с позиции съедобное-несъедобное. Он бродил вокруг стволов и осматривал всё. Ему попадались тощие длинноногие грибы – Олег не рискнул их рвать: вид у них был несъедобный.

После тщетного блуждания, охотник осознал, что от него слишком много шума и весь лес уже в курсе, что он здесь бродит, поэтому решил затаиться и выжидать. Мужчина прислонился спиной к стволу удобно расположенного дерева, поглядывая по сторонам. Выжидания не прошли даром: через некоторое время в его обзор попал заяц.

Олег понимал, что, если он не достигнет цели с первого раза, второго не будет – заяц попросту, учитывая его сноровку, от него ускользнёт. Он бесшумно прицелился и, собравшись с духом, отпустил тетиву.

– Попал! – выкрикнул Олег.

Конспирация теперь была не нужна, на сегодня им хватит.

Он притащил зайца во двор и разделал. Ценным было всё, мужчина тщательно выбрал потроха, промыл вместе с разрубленными кусками и поставил всё на огонь, после чего занялся чисткой корня лопуха.

Во второй половине дня Птица проснулась, Олег услышал, как она переворачивается на другой бок. Он отлил бульон, бросил в него кусок варёной зайчатины и медленно подошёл, неся в руках горячую миску.

– Давай-ка приподнимемся и поедим, – сказал он.

Птица не отрывала глаз от стоящей рядом миски, когда мужчина помогал ей менять положение.

– Откуда мясо? – теперь в свою очередь спросила она.

Олег заулыбался.

– Я времени даром не терял.

Он начал кормить её с ложки.

День постепенно подходил к концу. Керосин весь закончился, и лампа больше не горела. В отсутствии луны было слишком темно и ничего не оставалось, как лежать на кровати и думать. Олегу показалось, что Птица спит, отвернувшись к стене, но к своему удивлению он услышал тихий голос:

– Ты правда ветеринар?

Он сразу понял, что никакого сна и в помине не было. Мужчина приподнял голову.

– Ну ветеринар...

Она продолжила не сразу – всё это время он терпеливо ждал.

– Если ты ветеринар, можешь отрезать мне крылья?

Олег снова приподнял голову, застыв с обескураженным выражением лица. Затем откинулся на подушку и заговорил после затянувшейся паузы:

– Не понимаю, зачем тебе это...

– А что тут понимать? Отрежь и всё.

– Я не буду этого делать.

– Почему?

Его тяжёлое дыхание казалось слишком громким в таком звенящем затишьи. Вместе с ним острый слух Птицы улавливал оглушительное биение его сердца.

– Почему?!

Олег не выдержал и завёлся:

– Ты сама хоть понимаешь, чего предлагаешь? Что значит: отрежь крылья? А если я тебя попрошу: отпили мне голову?

– Ну ты сравнил! От этих крыльев у меня одни проблемы, они мне только мешают...

– А знаешь, у меня от моей головы сколько проблем? Знаешь, как она мне мешает? Не то слово... Ногам покоя нет! – Он сел на кровати. – Как тебе вообще такое в голову пришло?!

– Ты же сам сказал, что ветеринар... Сказал, что тебе пулю достать – раз плюнуть!

– Я сказал?! – Олег встал и начал ходить по дому, загромождавая окно от последнего, едва уловимого источника света. – Да какой я к чёрту ветеринар?! Я проработал всего-то несколько месяцев. И сам ни разу не оперировал, а только ассистировал. И то... это было сто лет назад – я уже всё забыл.

Он успокоился и присел рядом с ней.

– У тебя шок. Ты несёшь всякую ерунду от шока, из-за ранения. Вот подлечишься, и всё пройдёт. А без крыльев как ты будешь летать? Если бы ты не могла летать, разве спасла бы меня тогда?

– Ты зря здесь остался... Если бы меня убили, тебя бы никто не переправил обратно.

– Так правильно сделал, что остался! Если бы меня не было здесь, кто бы тебя нашёл на том дереве и сделал операцию?

– Если б ты остался один, то мог бы здесь не выжить в одиночку.

– Если б не выжил я – не беда. Таких, как я, знаешь сколько? А ты такая одна. Возможно последняя и единственная – вымерший вид, под охраной... Ты хоть понимаешь?

Она смотрела из темноты и у неё перед глазами ясно вставали картины, возникающие в подсознании. Это был не сон, это было видение: крылатые люди в лёгкой светлой одежде смотрели на неё из глубины веков, затем они по очереди поворачивались и уходили в даль. Она провожала их взглядом

до тех пор, пока не скрылся последний. Птица оглянулась по сторонам: она стояла одна возле дворца на берегу моря, а вокруг не было ни души.

В дверь ударил с силой шквалистый ветер, зашумели склоняющиеся деревья. Она внезапно очнулась и пробежала глазами по слепящей темноте. Олег по-прежнему сидел рядом, расписывая её уникальность в этом мире. Птица отвернулась к стене, укрывшись одеялом.

С первыми лучами солнца Олег проснулся после очередного кошмарного сна и сразу заметил, что лежанка опустела. Он оделся и вышел из дома. Траву покрывал первый снег. Птица стояла к нему спиной и смотрела на лес. На ней было другое, простое чёрное средней длины платье, на плече по-прежнему была повязка, захватывающая руку, согнутую в локтевом сгибе. Её волосы трепал холодный ветер, они ложились ей прямо на лицо. Мужчина подошёл и встал рядом. Он начал смотреть в ту же сторону на красоту могущественного леса.

– Я обещала не давить на тебя, но мне придётся... – Она убрала с лица волосы. – Когда я немного окрепну, сразу отнесу тебя обратно.

Олег заторможено кивнул. Он понял, что в этот раз она без сомнений это сделает, не дожидаясь его одобрений. Рано или поздно лес всё равно бы его прогнал, он здесь чужак, ему здесь не место. Дикая природа далеко не безобидна, она жестока и беспощадна. Происходит взаимное вытеснение: со-

временная цивилизация уничтожает дикую природу, а та с лёгкостью губит некрепкого цивилизованного человека, не приспособленного к жизни в её среде. В этих местах с ним может случиться столько всего, что никакие листья и отвары не помогут.

– Пойду заварю чаю, – спокойно произнёс Олег, возвращаясь в дом.

Несколько дней они лишней раз старались не покидать избу, поддерживая огонь в печи. На улице стало морозно не только ночью, но и днём. Время еле тянулось в коротком молчании, либо быстро пробежало в продолжительных беседах. По вечерам они в сумерках кололи орехи за столом. За окном моросил ледяной дождь, сменяющийся мокрым снегом.

– Что будешь делать, когда вернёшься?

Олег вначале подумал, прежде, чем ответить.

– Разберусь с врагами.

– А дальше?

Он снова задумался, расколачивая очередной орех.

– Дальше начну строить жизнь заново.

Орех попался горький и Олег его выплюнул.

– В лесу бы это не сработало. Здесь можно строить жизнь только один раз. А если встретился с врагом, тем более преобладающим по количеству или силе, то значит настал конец.

За столом воцарилось молчание. Олег для себя решил, что

будет избирательнее в выборе друзей и женщин.

Птица начала вылетать, приблизился момент расставания. Когда выдался удачный по погоде вечер, она объявила, что в эту ночь отправит его обратно.

Глубокой ночью Олег собрался и крепко подпоясал волчью шубу, чтобы не продувало во время полёта. Ветра почти не было. Птица ждала его на крыльце, обнимая себя руками.

– Где ты поставишь меня на землю? Тебе же нельзя лететь над городом... – Жилец закреплял на голове капюшон фиксирующей повязкой.

– Там, где его начало. Дальше будешь добираться самостоятельно.

Олег вдруг подумал – кого он сейчас больше напоминал: спортсмена или диверсанта? Нет, он больше походил на неуклюжего птенца, которого птица-мать скоро понесёт обучать первому вылету из гнезда.

Птенец собрался с духом и сделал глубокий вдох. Он вспомнил свой первый перелёт на самолёте: идёшь по ковровину, располагаешься в мягком кресле, стюардесса подносит обед. Продуманы все удобства для комфортного полёта, но страх всё равно пробегает по телу, сковывает каждый нерв... Из динамика слышится: пристегните ремни!

Хозяйка леса обвила его руками и понесла над бескрайним чёрным морем леса. Никакого страха, одно лишь безмятежное спокойствие. Промозглый ветер обжигает оголённую кожу лица, хлещет по щекам, пробивается под шкуру. Демо-

ны наблюдают снизу – они не шепчутся, а покорно молчат. Он больше не потревожит веками сколоченный уклад их существования.

Вдалеке промелькнули огни поселений, расположенных возле реки. Несмотря на ранение, её руки по-прежнему были сильны. В жизни она их часто использовала, когда перемещалась с дерева на дерево.

Наконец показалась большая светящаяся масса – то были огни города. Чёрное море леса осталось позади, внизу появились квадратные поля. Пролетая над последним полем, Птица стала стремительно снижаться к земле, или земля стала приближаться к ним – ощущение было одинаковым. Ноги Олега коснулись грубой щетины скошенных злаков, покрытой инеем. Это было открытое пространство, со всех сторон окружённое берёзовыми посадками.

– Ну что ты стоишь? Иди к своим! – выкрикнула Птица и слегка отошла назад.

Олег откинул меховой капюшон, растерянно осматриваясь по сторонам. Он не спешил, он немного мялся.

– Я как представлю, что ты опять одна будешь жить в той избушке... – произнёс он. Глаза у него стали влажными, но в темноте это было не видно.

– Ничего, я давно привыкла. – Птица не отводила обеспокоенного взгляда.

– Ты перевернула мою жизнь, мудрая сова... У меня такое чувство, будто я сейчас теряю своего ангела-хранителя.

Она постояла ещё минуту и наконец произнесла:

– И ты был моим ангелом... – Женщина отступала всё дальше и дальше.

– Ну хватит! Не надо этих слов! – крикнула она с надрывом. – Прости! Я должна лететь!

Издали доносились звуки редко проезжающих машин. Птица сделала ещё пару шагов и взмахнула крыльями. Он смотрел, как она исчезает в ночном небе и понимал, что больше её никогда не увидит. Олег на ходу накинул капюшон, пересекая линию посадок: перед ним открылся вид на сияющие огни далёкого города – то, куда он так рвался из последних сил. Он сделал тяжёлый вдох и не спеша побрёл к огням – впереди его ждала очередная школа по выживанию.